

Мне помнится самое начало 70-х годов XX века. В частности и тем, что на работу в издательство «Молодая гвардия» пришёл работать относительно молодой поэт и комсомольский работник Андрей Дементьев. Он возглавил редакцию по работе с молодыми писателями. Тогда я с ним и познакомился. С тех пор мне запомнилась сияющая, доброжелательная улыбка Андрея. Он покорял людей с первого взгляда своей открытостью и внимательностью к собеседнику. Вскоре на этом посту его сменил поэт из города Иваново Генна-

дий Серебряков, тоже из ЦК комсомола, а Андрей Дмитриевич перешёл работать в журнал «Юность» заместителем главного редактора. Тогда его возглавлял Борис Полевой, но он уже готовился уходить из журнала. Возраст, болезни... Дементьев вскоре стал главным редактором и за несколько лет сумел поднять тираж журнала до трёх миллионов — с хвостиком! — экземпляров. Страсть к чтению в те советские годы была беспрецедентна.

Сам я печатался в «Юности» почти двадцать лет, с 1971 года, и при Полевом, и при Андрее Дементьеве.

В принципе мои стихи шли через отдел, но, бывая в редакции, я всегда заглядывал к «главному». Разговоры наши были короткими типа «Привет!» и «Как дела!», несколько беглых фраз.

Дементьев был очень подтянутый, спортивный, всегда в форме. И опять вас встречала сияющая улыбка.

Его друг по Твери, а потом по Москве Алексей Пьянов, который в те годы сам стал главным редактором знаменитого журнала «Крокодил», рассказывал мне, что Андрей Дмитриевич каждое утро делал зарядку — тысячу спортивных «движений».

— Он начал это ещё в школе...

Уже в наше время он «пробил» и открыл в родной Твери единственный в стране Дом поэтов. Об этом надо писать отдельно.

А между тем не всё было просто в жизни этого сияющего доброжелательностью красивого человека.

Ещё в восьмидесятые годы прошлого века врачи литфондовской поликлиники прозевали раннюю онкологию. Ему вскрыли грудную клетку и удалили опасную опухоль. Тяжёлое хирургическое вмешательство.

А тираж журнала «Юность» рос, и вместе с тиражом росли проблемы.

Мало кто знает или помнит о «революции» в журнале. Часть редакции в конце восьмидесятых пыталась голосованием «сбросить» Дементьева с «парохода современности». А когда это не получилось, вместе с Сашей Ткаченко недовольные ушли из редакции и основали свой журнал «НЮ» — «Новую юность». Хороший журнал получился. Жалко, что такой ценой.

Дементьев ещё некоторое время пробыл на посту главного редактора, но вскоре его самого выдавили из журнала. Это было несправедливо. Но в те годы горбачёвско-ельцинской перестройки подлости и несправедливости было столько, что ещё одна потаённая драма прошла почти незаметно. С этой минуты началось катастрофическое падение тиража журнала: из «трёхмиллионника» он упал до нескольких тысяч экземпляров, если верить выходным данным. По другим сведениям тираж журнала снизился чуть ли не до пятисот экземпляров.

Но сам Дементьев не упал, удержался на своей высоте в новой непредсказуемой жизни.

Тайна Дементьева была в том, что он не терял друзей, и его старые связи помогли ему подняться.

Несколько лет он проработал руководителем ближневосточного бюро государственного телевидения, вёл передачу «Выражи времени» на радио. Я удивлялся, как его на всё хватает, однажды сказал ему об этом, и он заулыбался в ответ.

Всё было не так плохо: песни на стихи Дементьева пели знаменитые артисты России, сам он вёл передачу на радио, его книги выходили фантастическими по новым временам тиражами. В каком-то смысле Андрей занял ранее неоткрытую поэтическую нишу. Она располагалась где-то между Евгением Евтушенко с его страстной публицистикой и Эдуардом Асадовым с его сентиментальной назидательностью. Не надо думать, что сравнение с Асадовым чем-то унижительно для поэта. Да, по части стихотворной техники Асадов не отличался большим умением, но зато он брал искренностью, душевностью. Отвлекаясь от героя моего воспоминания, подчеркну, что Асадов по запросам ныне несуществующего книготорга был самым тиражным и популярным поэтом СССР.

В девяностые и почти два десятилетия нового века книги Андрея Дмитриевича вышли общим тиражом не менее миллиона экземпляров. Песни на его стихи не устаревали и продолжали звучать на эстраде.

Он оказался одним из очень немногих, кто сумел (простите за модное словечко!) монетизировать свой талант, когда занятия поэтическим словом перестали быть делом и профессией и незаметно перетекали в разряд не самого уважаемого в общества хобби, что на самом деле к искусству поэзии не относится, а является беспощадной характеристикой нового российского общества.

Итак, он естественным для него образом занял абсолютно пустую поэтическую нишу — где-то между Евтушенко и Асадовым. Наверное, этого лирического сплава не хватало многим из тех, кто не отвык от чтения стихов.

И вот именно за это многие его не любили, презирали, завидовали и ненавидели. Это было нормой литературных отношений. Поэтические импотенты и графоманы не могли сдержать своих чувств по отношению к чужой удаче и к чужому таланту.

А ведь Андрей Дементьев был одним из самых по-хорошему отзывчивых людей в литературном сообществе.

Он дружил с Иосифом Кобзоном, с Зурабом Церетели, многими артистами, композиторами, исполнителями его песен. Сердце Андрея было наполнено теплотой к людям, отзывчивостью к ним.

Когда в начале 2004 года готовилась к изданию моя книга стихов и поэм «Зимняя философия» в тогда ещё замечательной серии «Золотой жираф», я позвонил Андрею Дмитриевичу:

— Андрей, — попросил я, — у меня выходит книга, но в ней не хватает твоего предисловия...

Дементьев засмеялся:

— Я напишу предисловие. Когда надо?

Вскоре он прислал мне две странички в мою книгу. Написал он это предисловие прекрасно: без перехвала, но с очень хорошим настроением. Я поныне благодарен Андрею Дмитриевичу за его давние слова.

Мы неоднократно встречались с ним и на его вечерах, и на встрече в магазине «Москва», где проводили презентацию очередного альманаха «День поэзии», и в «МК», где я работал в 90-х и в «ЛГ» нулевых и десятых годов, на Красной площади 2017 года, где он выступал в одном из павильонов Книжной ярмарки. В редакции «Литературной газеты» он частенько появлялся. У меня сохранились фотографии наших встреч. И сколько я его помню: подтянут, молодцеват, великолепно уложенная причёска, открытая солнечная улыбка. Редкий человек в этом сумрачном мире!

В своей родной Твери он основал Дом поэтов, и перед ним — скульптурную галерею своих друзей: Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной... Не забыл и самого себя, по праву вписал в этот знаменитый ряд.

Но ведь все помнили его стихи:

Не жалейте своей доброты и участия.
Если даже за всё вам — усмешка в ответ.
Кто-то в гении выбился, кто-то в начальство...
Не жалейте, что вам не досталось их бед.

Никогда, никогда ни о чём не жалейте —
Поздно начали вы или рано ушли.
Кто-то пусть гениально играет на флейте.
Но ведь песни берёт он из вашей души.

Никогда, никогда ни о чём не жалеите —
Ни потерянных дней, ни сгоревшей любви.
Пусть другой гениально играет на флейте,
Но ещё гениальнее слушали вы.

Наверное, это лучшее его стихотворение, написанное в давние времена — в 1977 году. В нём весь Андрей Дементьев — и назидание, и сочувствие, и улыбка, подаренная своему читателю...

Последний раз я встретился с Андреем Дмитриевичем в мае 2018 года на приёме в Болгарском посольстве. Он старался держаться, но было видно: что-то потухло в этом человеке. Улыбка стала беспомощной, а его великолепная причёска тоже как-то потускнела и поникла. А 26 июня он умер в больнице от тяжёлого ракового заболевания. Почти никто из тех, кто с ним общался, этого не знал. Андрей Дементьев никогда не жаловался.

Его хоронили 28 июня. 16 июля ему бы исполнилось 90 лет. Чуть-чуть не дотянул...

Телевизионщики с их обыкновением любую печаль превращать в праздник, снова ликовали: у них появился повод заполнить часть эфирного времени «сенсациями и разоблачениями». Но Андрей Дмитриевич повода для этого им не дал — он жил открыто и ничего не скрывал. Разве что кроме смерти сына...

Флейта поэта Дементьева ещё звучит в душах тех, кто знал и любил Андрея Дмитриевича.